

КСЕНИЯ
БУКША

ОТКРЫВАЕТСЯ
ВНУТРЬ

18+

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР»

Ксения Сергеевна Букша

Открывается внутрь

Серия «Роман поколения»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33165191
Ксения Букша Открывается внутрь:
ISBN 978-5-17-108263-5

Аннотация

Ксения Букша – писатель, копирайтер, переводчик, журналист. Автор биографии Казимира Малевича, романов «Завод “Свобода”» (премия «Национальный бестселлер») и «Рамка».

«Пока Рита плавает, я рисую наброски: родителей, тренеров, мальчишек и девчонок. Детей рисовать труднее всего, потому что они все время вертятся. Постоянно получается так, что у меня на бумаге четыре ноги и три руки. Но если подумать, это ведь правда: когда мы сидим, у нас ног две, а когда бежим – двенадцать. Когда я рисую, никто меня не замечает».

Ксения Букша тоже рисует человека одним штрихом, одной точной фразой. В этой книге живут не персонажи и не герои, а именно люди. Станные, заброшенные, усталые, счастливые, несчастные, но всегда настоящие. Автор не придумывает их, скорее – дает им слово. Зарисовки складываются в единую

историю, ситуации – в общую судьбу, и чужие оказываются (а иногда и становятся) близкими.

Роман печатается с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Детдом	6
1. Сосновая поляна. Ася	7
2. Авангардная. Варя и Вера	28
3. Братаны	53
4. Кампоты Гуха	63
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ксения Букша

Открывается внутри

Серия «Роман поколения»

Книга публикуется по соглашению с литературным агентством ELKOST Intl.

© Букша К. С.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Детдом

1. Сосновая поляна. Ася

За железнодорожной станцией Сосновая поляна начинается слабенкое осеннее утро. Едва виднеются в нем палки и ветки палисадников и дворов. Маршрутка номер триста шесть, жестяная белая коробка с фарами и без всякой рекламы, стоит заглушив двигатель – ждет пассажиров с электрички. Самый край Петербурга. Тут начинаются дома. Окна еле теплятся. Ветра почти нет, воздух теплый, темный и желтый. У будки до сих пор цветут, подсыхая и подгнивая, дудочки нежно-сиреневых цветов над инеем травы в темноте. Вокруг спокойствие.

Водитель маршрутки почти не хочет спать. Он курит, стоя в обвисших штанах и плотных резиновых тапках, и задумчиво смотрит за переезд. Там, за переездом, пестреют дачки, сараюшки, баньки, сады и кусты, тропки, канавы и мостики, низкорослые рябины, малинники, железные сетки, заборы. Тянет печным дымом. Желто-красные пестрые листья темнеют в лужах.

Очень спокойно вокруг.

Вот подходит к переезду с той стороны семейство: мамаша и трое детишек. Мамаша совсем молодая, с пушистыми волосами и в беретике, в легком пальто. Детишек трое. Стар-

шая похожа на маму. Тоже худенькое личико, курносый нос, только волосы другие, черные. Средний и младший – пацаны. Среднему лет восемь, хулиган, как видно. Младший в комбинезончике с паровозами.

Ветра совсем нет.

Идут взявшись за руки, цепочкой. Мама, средний, младший и старшая.

Водитель влезает на сиденье, открывает двери. В маршрутке у него целое хозяйство. Пятихатки он засовывает за козырек, который против солнца. Сотни – в сумку на поясе. Мелочь – в прорези на засаленной мочалке по правую руку.

Триста шестая разворачивается на площади перед станцией. Огни кругом. Девятиэтажки с другой стороны. Яркие даже в темноте, обрызганные ночным дождем березы. Триста шестая покачивается.

* * *

Каждый раз, выпив с мамой по бокалу красного, Ася ей задает один и тот же вопрос:

– Ну, мам, кто мой папа?

Мама каждый раз говорит разное. Асю прямо смех раз-

бирает, как она каждый раз начинает выкручиваться. Сводит глаза к переносице и говорит что-нибудь высокоумное, предположительное такое. Каждый раз – какое-нибудь новое откровение.

– Твой отец – Сергей Иванович! – например.

– Мам, ты в прошлый раз говорила, что дядя Петя.

– Ну разве ты похожа на дядю Петю?!

Или что-нибудь совсем сентенциозное:

– Скажи спасибо, что я не сдала тебя в детдом. Знаешь, как трудно было одной с ребенком в те годы? Да, я не сидела с тобой, мне приходилось работать с утра до ночи, чтобы тебя обеспечить. Но с тобой были мои родители!

А раньше неизменно добавляла под конец:

– Конечно, тебе-то хорошо! У тебя детей не будет, живи себе спокойно как хочешь!

* * *

Про детей, которых не будет, Ася узнала еще в те незапамятные времена, когда на первом курсе безумно влюбилась

в своего институтского профессора Константина Константиновича (Лакан да Фуко), которому тогда было почти пятьдесят, и переехала к нему. Они жили очень счастливо месяца три. Однажды Константин Константинович за утренним чаем доброжелательно спросил Асю:

– Асеночек, ты что, уже беременна?

– Почему беременна? – удивилась Ася.

– Месячных все нет и нет, – Константин Константинович хоть и был доктор философских наук, но имел свои наблюдения над жизнью.

– Так у меня они еще не начались, – объяснила Ася. – Пока еще ни разу не было.

– Как? – удивился тот. – Тебе семнадцать, и ни разу?

Ася кивнула.

Константин Константинович немного смутился. Поразмыслив, он предложил Асе все-таки проверить, беременна она или нет. Так как логика, – добавил он, – говорит нам, что если чего-то ни разу не было, то это еще не значит, что чего-то другого быть не может.

* * *

Пожилая гинеколог в парике уложила Асю на простынку, достала нечто вроде железного рупора, аккуратно вставила в Асю, включила фонарик и стала молча глядеть. Ася сильно волновалась, но виду не показывала. В детстве и ранней юности Ася была робким, смирным и терпеливым существом, которое можно было даже умертвить, а она бы только лежала и, может, даже не хныкнула. Потом все изменилось, но тогда, в тот день, Ася лежала себе как кролик, которого фаршируют, а гинеколог, пожилая армянка, ощупывала ее изнутри пальцами в резиновых перчатках.

Наконец врач закончила осмотр и сняла перчатки.

* * *

О бездетности Ася почти не переживала. Тем более что у Константина Константиновича на детей уже была аллергия. Все предыдущие жены, а было их семь, рожали ему ребенка, а то и парочку. Так как профессор считал себя ответственным отцом, то приходилось помнить все эти дни рождения, звонить и барственно поздравлять:

– Ну что, как там девчонка-то моя? Растет? А! Какая большая барышня! А как там ваше пианино, виноват, шахматы? Что? Балет? А, да, точно, балет: как успехи?

Понятно, что при таком раскладе Константин Константинович был очень рад, что Ася не заставит его запоминать новые дни рождения.

Они еще какое-то время прожили вместе, потом драматически расстались, Ася совершенно не переживала, потом еще пару-тройку раз побывала замужем, и эти мужья тоже исчезли в дымке, не потому, что у них не было детей, а по разным другим причинам. Кто-то из них и сам был дитя.

И Ася опять не переживала.

Не слишком волновал ее и вопрос, который она традиционно задавала маме, когда приезжала к ней в гости:

– Мам, а мам! А кто мой папка-то, а?

Асе скорее было забавно со стороны наблюдать, как мать выкручивается, складывает губы гузкой, смотрит долго в один угол, потом в другой, потом на потолок, ну чисто она Гертруда, а с потолка должна счас явиться тень Клавдия. Ася с антропологическим, а может, мифологическим любопытством наблюдала за тем, как в голове матери складывается вранье.

– Твой папа? – наконец изрекала мама, сделавши на лице сложные щи. – Так и быть, скажу. Это знаешь кто? Это Семеркин. Ну да, Боря Семеркин, помнишь такого? – И дальше мама выдавала речитатив: – У него жена еще дефектолог без правой ручки родилась работает в доме ребенка еще такая помнишь высокая веселая на дне рождения у Павла Ильича когда ты стихи вслух прочитала она еще...

Семеркин. Ася не помнила почти никого из тех, кого называла мама. В детстве взрослые казались ей лесом, деревьями в лесу, а их голоса – гулом ветра в кронах, смутным и грозным. Ася почти не поднимала на них головы. Она была маленькая, они – большие. Матери Ася тоже почти не видела, жила с бабушкой и дедом в маленьком домишке в дачном массиве Сосновой поляны. Дед за день слова не скажет. Бабушка только ругала. Ася была гадким утенком, да и кто с ней дружил-то? одни собаченьки. Самое раннее воспоминание: Ася сидит на корточках на люках, вокруг снег, а на люках тепло, и вокруг восемь собаченок свернулись клубками, тоже теплые, греют Асю. Одевали ее дед и бабушка в обноски. В детском саду была одета хуже всех, даже по тем временам, просто в какое-то тряпье. Ни одного красивого платья, ни разу. Ася всегда мерзла. Рейтузы в дырах. Ноги мокрые.

Но ничего, Ася не в обиде; и все-таки кто папаша-то? Почему-то Асе хотелось бы знать. Почему-то ей кажется, что здесь скрыто нечто важное.

* * *

Ну а про детей Ася и вовсе совершенно не переживала и продолжала не переживать, когда вдруг однажды так случилось, что директор конторы, в которой она работала, видимо, особо сильно нагрешил и взялся помогать сироткам. Конечно, он довольно скоро это дело бросил, а вот Ася начала задумываться.

Странное это было место — детдом. И с помощью сироткам выходило странно. Дети улыбаются, благодарят тебя, стараются понравиться. Но стоит хотя бы чуточку, хоть немного взглядеться, и становится понятно, что здесь как будто пустыня, где каждого грызет жестокий голод и жажда, а воды никто не приносит.

Ася быстро поняла, что на самом деле им нужно только одно: семья. А значит, помочь по-настоящему можно только одним-единственным способом. Почему бы и нет?

* * *

Вообще-то Ася искала маленького мальчика. Лучше всего новорожденного, но можно и лет трех. Так советовали все: если нет детей, нет опыта, то лучше брать малыша. Ну а

мальчика – потому что девочек разбирают лучше. Ася мечтала о маленьком таджике или цыганенке. Но так вышло, что все мальчики были с тяжкими диагнозами, на грани выживания. Ася плакала и вешала трубку.

Однажды Ася забрела на сайт регионального оператора и, так как детей там было немного, стала смотреть все анкеты подряд. Аня, 2008. *Подвижная, контактная, принимает участие в жизни коллектива.* Виталий, 2007. *Любознательный, очень любит плести из бисера. Когда вырастет, хочет работать в полиции.* Ксюша, 2006. *Ребенок понимает обращенную речь.* Маша, 2004. *Подросток хочет в семью! Ответственная, любознательная, Маша станет вам настоящей помощницей.* Людвиг, 2010. *Неконтактный, истеричный.* Нинель, 2008 (запрокинутое лицо с раскрытым ртом, в уголках рта зеленка). *Нинель – маленькое чудо. Эмоционально отзывчивая, добрая, Ниночка дает знать, чего она хочет, и умеет обо всем рассказать без слов. Пока Нинель не кушает самостоятельно.* Никита, 2001. *Никита активный, жизнерадостный, энергичный, независимый, исполнительный. Легко идет на контакт. В обществе любит чувствовать себя легко, раскованно. Активно интересуется всем, что привлекает.* Андрей, 2005. *Мальчик спокойный, тихий, скромный. Когда вырастет, хочет стать строителем.* Дарья, 2006 (маленькая девочка в нарядном детдомовском платье с угрюмым, застывшим выражением лица, выглядит не

на девять лет, а максимум на шесть). *Контактная, тихая, еще только начинает вливаться в коллектив. До сих пор горюет по умершей матери.*

Ася уже умела читать эти характеристики из базы. Они как слоганы. В них нет правды, а только маркетинг, позиционирование. Кого-то воспитатели придерживают – и дают нелестные характеристики. Иных, с неудобным и трудным поведением, стремятся сбыть с рук – и приукрашивают как могут, а потом – возвраты. Не пишут о трудностях из сентиментальных побуждений – а там, глядишь, стерпит, слюбится. Чаще всего к характеристике относятся формально, да и что в трех фразах напишешь? Но даже не это главное, а то, что в детдоме ребенок не такой, как в семье, это другое агрегатное состояние. Каким он будет на самом деле, ты не поймешь не только по характеристике да фото, но и по видео, и при личной встрече не сразу.

И все же... *Контактная, тихая, еще только начинает вливаться в коллектив.* Недавно в детдоме, еще не адаптировалась там, не усвоила тамошние привычки, не научилась выживать в вывернутой наизнанку среде. Домашний ребенок в трудной ситуации. Пусть из маргинальной семьи, но домашний, а не инопланетянин. *До сих пор горюет по умершей матери.* Невероятная редкость и чудо. Значит, у ребенка был значимый взрослый. Значит, ребенок пока продолжа-

ет жить в человеческой системе координат, где у маленького всегда бывает свой большой, без которого он не выживет. И – *горюет*. Живые эмоции, пока не убитые системой. По *умершей матери*. Этот ребенок не был брошен, как большинство детей в детдомах. Простое человеческое горе; ненависти к миру нет. Пока нет. Надо спешить, подумала Ася, удивляясь сама себе.

* * *

Ася предполагала, что мамаша будет истерить, но не предполагала, что так сильно. Она вопила в трубке «Вырастет и прирежет нас всех!» так, как будто ее уже режут. Асе приходилось держать мобильник на дистанции от уха, чтобы не оглохнуть. «Зачем подбирать, что другие бросили?! Лучше бы своих родила!» Хотя мама отлично знала, что своих Ася родить не может. И, кстати, Дашу никто не бросал. Наоборот, ее не хотели отдавать, и Асе неожиданно для себя пришлось побороться.

– В нашем детском доме, – заявила директор жеманно, – в семью хотят далеко не все. Особенно наша элита, наши лучшие девочки – Дашенька, Анжелочка, Кристинка. Ведь у нас так хорошо! Дарья у нас гостит всего полгода, по ней было много звонков, но она отказывается от всех предложений.

«Понятно», – подумала Ася, произвела небольшое расследование и на первом же свидании сообщила Даше, что от ее дома до того, где она жила раньше и где живут ее кошка и собака, идет прямая маршрутка. Даша согласилась сразу, и, хотя потом много раз просилась «обратно в детдом», дело было сделано.

Причина Дашкиной разборчивости стала ясна Асе не сразу, а только месяца через три, когда мама подружки с танцев поделилась, заливаясь нервным смехом:

– Даша у вас такие странные вещи выдумывает. Как будто она не ваша родная дочка, а вы ее взяли из детского дома, чтобы на органы продать, а потом пожалели и оставили себе.

Детский дом, в котором оказалась Даша, был невелик. Грозило расформирование. Устройство детей в семьи могло оставить персонал без работы. Младших «элитных девочек» пугали страшилкой про органы. Старших подсаживали на мечты о «самых богатых родителях».

* * *

Спустя три месяца, как Дашу взяла, вдруг позвонила опека:

– А у вас заключение на маленького мальчика, да? А вы

все еще хотите маленького мальчика?

Ася, конечно, хотела.

– Тут в соседнем округе пацан мелкий, мать умерла. Или в приют, или... а вы бы взяли?

Ася схватила документы и помчалась. Приехала, а тут и выяснилось, что малюток-то двое, и старшему уже восемь. На форумах это называют «паровозиком». Сидят вместе на диване, старший младшего схватил и злобно зыркает на всех: у нас другие планы.

– Слушай, – присела на корточки, – ты серьезный мужик, вот что хочу сказать. Вас разделить собираются. Мелкого в дом ребенка, а тебя – в детдом. Хочешь с братом остаться? Тогда без вариантов – ко мне.

* * *

Асина мать живет теперь в крошечной развалюхе, там, в Сосновой поляне, где и Ася выросла с детства, а квартиру сдает. На эти деньги покупает одежду, косметику; планирует по Невскому, висит на сайтах знакомств. Выглядит абсолютно окей. Подтянутая засушенная дама в блузе. На краю дачного массива стоит ее ржавый конь.

Но в домик зайдешь – жутковато. Там и раньше-то было не ахти. А четверть века прошло, без никакого ремонта. Две крохотные комнатки, кухонька, курятник, обросший пометом. Куры, коза, кошки и собаки. Теснота, жуткий бардак, горы нелепых предметов, грязь и дым. На окне громоздятся пустые банки.

– А все-таки, мам, – Ася говорит, подливая маме сладкого красного (мать почти не пьет, курит только много), – ну кто папаша мой, а? Колись!

Ася и дети бывают здесь в гостях раз в две-три недели. Дашка любит животных, как придут – бежит козу кормить. Пацаны – те на дорогу норовят, там лужи, можно погонять сдутый старый мяч. Уделяются, конечно.

Мать морщится.

– Ладно, так и быть, скажу, – и отводит глаза, и Ася понимает: сейчас опять соврет.

И на этот раз ей уже и не забавно, а скорее досадно. В чем, черт дери, смысл врать? В чем сама идея этого вранья? Пусть даже мать изнасиловали, пусть это был примитивный партеногенез, непорочное зачатие... Почему не сказать-то?

Ладно, – Ася меняет тактику. – Ты мои фотки можешь

показать младенческие?

А, ну это всегда. Это пожалуйста. Мать мгновенно перестает стрелять глазами по сторонам и притаскивает пыльный бархатный альбом. Все чин чинком. Асенька сидит, толстая, вся в складочках. С погремухой. В белых ботинках. Вроде и раньше Ася эту фотку видела, но сегодня до нее вдруг доходит одна небольшая значимая деталь.

– Сколько мне тут, мам?

– Шесть месяцев.

– А совсем мелкой покажи фотки? Вдруг я там на папу похожа?

– А у нас нет твоих фоток до шести месяцев, – и мать вдруг снова стреляет глазами по сторонам, да как резво. – Ты же знаешь, у нас сложное время тогда было! Моя сестра самоубийством... И вообще... Нет твоих фоток, ни одной. Эта первая.

Серенький дрыхнет уже на диване, укрытый пыльным одеялом. Дашка и Рома во дворе сажают друг на друга котят.

Утром, переночевав у мамы в домишке, Ася – на работу, детей сразу в садик и в школу. Домой заезжать не будут. Идут по грязной дороге, и так спокойно кругом, так темно. Пацаны идут себе, даже Серенький не рыпается, хотя еще весной все падал в лужи, снимал с себя сапоги и реготал как ненормальный.

Ромка идет смурной, как был, так и остается: взгляд в амбразуру, рюкзак на спине, ладно. Полно таких, пол-Питера: заводчане, таксисты, грузчики. Пусть будет. Нормас.

Дашуня чапает по обочине, поодаль от всех, неровной своей походочкой, нарядная и грустная, в кедах со звездочками. Дашуня размером с Рому, хотя на два года его старше. Ася просит взять Серого за другую руку. Даша берет.

«Скажи спасибо, что в детдом тебя не сдала» – тут дело не в переживаниях Асиных по этому поводу, тут дело в другом. Не в чувствах дело, а в фактах. Хочется разобраться, как доктор Хаус. Почему «скажи спасибо», и откуда идея про детдом? Откуда вообще такой ход мысли?

– Почитайте-ка книжку Серому, пока не поехали. Рома,

доставай книжку.

Нас...тупила...тупила весна.

Саша надел желтые носочки.

Жел-тые, как... Как кро... кор... Мама Ася, че это за слово? Ко-рокусы?

Крокусы. Цветы такие.

Или как... лю...лютики.

А Ма-ша во...во-об-ще не ста-ла на-де-вать нос-ки.

Мы пойдем очень далеко, сказал Саша.

Водитель включает зажигание. Триста шестая встряхивается, дребезжит, вибрирует.

Давай... кто... быстрее до-бежит до и... До и...вЫ? Это как так?

Ива. Дерево такое.

Предложил Саша... Ой, Даша, это твоя очередь еще! Видишь, с маленькой буквы.

Нечестно.

Не ссорьтесь.

До ивы, предложил Саша и помочался вперед.

Чего-чего вперед?

Помолчал вперед.

Помчался.

...Да, так вот: между прочим, ведь у мамы была сестра, которая покончила с собой. А почему она так – никто не знает.

...Сестра, которая покончила с собой. Асина тетя то есть. Она покончила с собой как раз почти сразу после Асиного рождения. Через полгода, если точнее. И почему-то у мамы нет ни одной фотографии Аси до шести месяцев. Это странно: обычно младенцев то и дело фоткают, даже в те времена. У деда был фотоаппарат, и снимать он любил. Но Асиных фоток до полугода не существует в природе.

Серенький уже весь извертелся у нее на коленках, а Даша и Рома давно перестали читать. Серый обмяк. Укачивает бедолагу. Да Асю и саму укачивает.

...Нет ни одной фотографии; она покончила с собой; скажи спасибо, что не сдала в детдом; дождь брызгает на стекло, Даша смотрит на Асю, и брови ползут вверх: я?! На мам Асю?! Похожа?! Да, детка, ты, на «мам Асю», а я похожа ли на свою маму? Не очень...

...Когда мне было шесть месяцев. А после шести месяцев я...

...Скажи спасибо, что не сдала в детдом...

...На самом деле мама – это та, которая...

...Которая, когда мне было шесть месяцев...

Тогда все складывается. Тогда понятно, почему все. Почему мама меня отдала бабке с дедом. И ее слова про детдом. И про папашу почему врет – тоже понятно. Не знает она, кто папаша. Если она сама не мама, то откуда папу-то возьмет?

И теперь Ася знает правильный вопрос. Она знает, что спросит в следующий раз, когда нальет маме красного сладкого. Нет-нет, она не спросит «кто моя мама» – уже лишнее. И не спросит «кто мой папа» – этот вопрос очевидно останется в таком же тумане, как вот, к примеру, церковь за болотом, мимо которой мы стремительно проезжаем. И переживать тут нечего, тем более что теперь Ася знает правильный вопрос:

– Мам, а мам, а как меня звали на самом деле?

* * *

Триста шестая въезжает на Автоковский путепровод: внизу – рельсы, контейнеры, песчаные конусы, пестрые листья, тропинки, а наверху – тучи, в просветах – блеклое голубое небо и полосы белесых облаков.

Внезапно, глядя на мелькающие мимо автобазы, склады и электростанции, Ромка вспоминает, что в кармане у него осталось две мятные жвачки. Но если он вынет жову сейчас,

то придется делиться с Дашкой. Если же он не поделится, то она затаит обиду. И зачем ему эта сестра, да еще старшая? Насколько было бы лучше, если бы их взяли только двоих, с Серым. Разве непонятно, что главный тут – он?

Так вот, значит, Ромке хочется жвачку, но он решает потерпеть, только чтобы с Дашкой не делиться; и он не знает, что Даша в это же самое время перебирает в кармане три утащенные у бабушки конфеты «Клубничные» и тоже предвкушает, – а между тем маршрутка въезжает на Зенитчиков, на каждом светофоре ненадолго останавливается, – вон общага, где они жили, и Ромка видит, как наравне с маршруткой какой-то мальчик бодро чешет по вытоптанной мокрой тропинке, мелькая за кустами. У мальчика такие же куртка и рюкзак, как были у Ромки, когда они жили еще с мамой, и Ромке очень хочется, чтобы это он сам и был и *тогда*, но на самом деле это другой мальчик, какой-то таджик вроде, черненький, – ой, да это не «какой-то» таджик, вдруг понимает Ромка, это же Давлат, бывший сосед их, а вот куртка и рюкзак – они не «такие же», они те самые, его и есть, только совсем уже драные и грязные, дальше просто некуда. И как только он это понимает, как рука сама тянется в карман за жовой, а там уж – че делать.

– Дашка, жову будешь?

– Спасибо, – говорит Дашка, – у меня конфетка есть. Кстати, хочешь?

2. Авангардная. Варя и Вера

В чистом поле, в белом поле было все белым-бело.
Потому что это поле

да, погода очень снежная
не выйти не то что с коляской, но и в слинге
спит как? спит плохо

ну так-то я ничего не вижу на первый взгляд, но если была
потеря сознания

то без вариантов надо везти и все проверить
когда она упала?
в семнадцать сорок

Очень холодно, одновременно очень жарко. Младенец со-
сет. Бросает в жар и клонит в сон, одновременно озноб, по-
тому что форточка открыта. Пахнет молоком и снегом. Кло-
нит в сумерки. За окнами – синий заснеженный двор-коло-
дец, темный день.

Это у вас микроволновка? – говорит врачиха, обходя стол
на цыпочках и садясь.

Да! – Вера спохватывается и вытаскивает оттуда мясо.

И как, удобно? – врачиха пишет из свидетельства о рож-
дении. – Высота примерно какая была?

Примерно вот такая. Я даже не ожидала от нее. Я не знала, что они в месяц уже переворачиваются.

Вот видите, вы не знали, — а сама пишет.

И стоял в том белом поле белоснежно-белый дом.

Вера до сих пор в ночнушке и халате, так с утра и не переоделась, не причесалась и не умылась. У Веры нет тела, есть только огонь и молоко.

Все, я написала, — говорит врачиха. — Ну что, поехали? Собирайтесь.

да, может, не надо, — слабо протестует Вера.
всё же в порядке

врачиха становится на пуанты и поднимает бровки доми-
ком

если была потеря сознания...

вот одна мамаша тоже, — говорит она далеким ледяным
голосом

Вера бросает слушать ее, и ужасик не доносится до ее
неосвещенного мозга

до ее полузатопленного мозга

до ее занесенного снегом мозга

так сегодня и не успела поесть мяса-то

да и каши-то

так, чего-то похлебала – типа чаю чо-ли

Да я не знаю, – говорит Вера, – была ли потеря сознания-то

может, она просто так спала

или просто упала, но не кричала

Вера вспоминает еще раз тот момент сегодня

там на крыше, среди труб и снега, в белом небе, прыгали
двое с ломиками

огромными сапожищами вышибали снег из кровли сосед-
него дома

по очереди: один – второй, один – второй

задорно, как на качелях

грох! – бух! – грох! – бух! – и над ними взвивался снежный
буран

это было красиво, ярко, это было как театр

лиц не было видно, но Вера мысленно стала с ними там

что была бы наша жизнь, думает Вера,

если бы мы не могли быть где-то не сейчас, не здесь.

На Авангардную поедет, – трясет ее врачиха за плечо. –
Эй! Ты слышишь меня? А?

потолок был белый-белый

звезды фонарей и звезды снежинок едут навстречу
или как будто в школьной столовой, сейчас будет пить
компот, а в компоте отражается и лампа (желтая, как кусок
сливочного масла), и лицо

Приехали.

Жестяная дверь с грохотом отъезжает.

Побыстрее, миленькая. Скорее вылезай, у нас еще вызов.

Вон туда, обогнешь здание – приемный покой.

ага-спасибо, – бормочет Вера

вдруг очень холодно

особенно выше левого сапога – задрались рейтузы

шапка сбилась на сторону с младенческого ореха

Вера останавливается и роняет свидетельство о рождении

ламинированный скользкий документ планирует в пуши-

стый снег острым краем

Вера нагибается вместе с младенцем

теперь холодно повыше юбки – задралась куртка

езде блестят, горят полосы голого тела Веры

младенец сбился на сторону внутри комбинезона: лицо

где-то в капюшоне, а шейка голая

скользко! Вера поднимается по ступенькам со свидетель-

ством в одной руке и младенцем в другой
двери большие, старые, стеклянные, истертые, исцарапан-
ные

внутри – бетонные чертоги, зеркала и картинки по стенам,
шарканье, воняет хлоркой
длинная очередь шумит и гомонит
сесть некуда, и Вера становится у стены в чем была
щурится от света, стоя в растоптанных сапогах посреди
коридора

...да. Так вот, нам опять не повезло! – кричит бодрая жен-
щина в трубку.

Рядом бледный молодой человек с провалами щек и си-
ними скулами, на руках – крошечный младенец
еще рядом – два круглоголовых быстрых бритых бандита
лет пяти, у каждого – черная от синяка половина лба, синяки
странной формы, как море, только чернее
чуть поодаль – толстый казахский подросток на коляске,
с ногой, упакованной в желтый надувной сапог

прямо перед Верой – вешалка, на которую навалили гору
дубленок, курток, комбинезонов
за вешалкой – окно, забранное двумя решетками, снаружи
и изнутри, на окне – растения
слева от окна – стойка регистратора

Вере кажется, что она на балу (без пяти двенадцать)

единственное – все мешает, все сбилось на сторону
на морозе зацветали голые места
а теперь – жарко, течет
одно она точно знает: раздеть младенца
вынимает лялю и вешает комбинезон на крюк мизинца

аврех! – фамилия из щели кабинета, и они входят

* * *

монитор гудит. Вера видит на нем идеально круглый, ров-
ный череп дочери
не вижу ничего, ничего не вижу, – повторяет врач моно-
тонно
щелкая мышкой
ни-че-го не вижу, – приближает еще и еще, линия стано-
вится пиксельной, но нигде не прерывается
нет ни трещин никаких, ничего, – говорит врач

свидетельство о рождении, полис, – подает голос медсест-
ра
зачем?
оформлять вас будем
куда оформлять
на отделение
ваша карточка уже там

так зачем, если нету ничего

так, девушка, я сейчас беру телефон и вызываю полицию.
вызов был на потерю сознания
я обязана вас госпитализировать
или я звоню в полицию и в опеку

пыльные провода на стене

сосок во рту младенца

струйки пота и свидетельство о рождении, мокрое, полис,
паспорт

направление на анализы

медсестра идет быстро, а с Веры сваливаются рейтузы –
резинка там, что ли, лопнула? – полоса на пояснице чешется

по коридору вперед, по плитке поворачивают на второй
этаж, там снова по коридору, вниз по деревянной лесенке,
вверх по каменному выщербленному пандусу, через пустой
захламленный холл, где все двери заперты, на скрипучем
лифте пять этажей вверх (здесь другой запах – еды и жи-
лья), темно и тихо, теперь они идут вперед, как по аквари-
уму, в полной темноте и тишине в самую глубину больницы
куда-то, несколько одинаковых запертых постов, на которых
никто не сидит, и вот пост, где горит настольная лампа, оги-
баем этот пост, по широкому коридору мимо нескольких за-
пертых дверей

и вот

широкая, почти квадратная дверь, состоящая из двух дребезжащих рам, в которые вставлены старые пыльные стекла
медсестра толкает дверь

Вера входит и кладет младенца на матрас

комбинезон кладет рядом

паспорт, полис

и подтягивает рейтузы, и чешет поясницу, о, да-а

* * *

Младенец теплится на кровати, помахивая руками и ногами, и пора уже сказать: ее зовут Долли.

Старый памперс завернут и сложен. Новый пахнет свежим памперсом. Вообще же дух в палате стоит густой, тяжелый. Вера еще не поняла откуда.

В окне цепочка фонарей, многоэтажки за широким снежным полем, вдали, на проспекте. Тягучее, вязкое небо: мороз.

В палате темно, только светится айфон в руках соседки. И освещает соседкино лицо – уступами: лоб, нос, подбородок, скулы, темную густую челку.

Соседка сказала «здравствуйте», когда вошла Вера, и – в айфон.

Теперь Вера опять вспоминает, что не ела весь день. Ей ужасно хочется есть и пить. Вон там, в окне, – «Пятерочка», это не дальше километра (через пустое поле, по мерзлой дороге прямым углом, наверное, чуть дальше). Будет работать еще час. Но как отсюда выйти. С Долли.

У меня есть колбаса и кока-кола, – шепчет соседка. – Возьмите на тумбочке.

Спасибо, – Вера нашаривает на тумбочке пластиковую упаковку, съедает пару кусков колбасы, идет в темный туалет и запивает водой из-под крана. Вода на вкус простая, пресная и кажется фиолетовой. Света они не включают.

Соседка молча скребет по айфону. Вера лежит на боку, подбив под себя мякенькую Долли, удобно примяв груди, колючее одеяло и плоскую подушку, и наблюдает за соседкой. Та лежит почти неподвижно, на спине. Горой кажутся ее колени. Тяжелое лицо подсвечено и неподвижно. На вид ей столько же, сколько и Вере, – около двадцати лет.

Вас как зовут? – шепотом окликает Вера.

Варя, – отзывается соседка, не отрываясь от гаджета. – А

вас?

Вера. Можно на ты.

Вечер длится еще долго, потому что, хотя обычно Вера спит мало, урывками, но не может уснуть. Снова сползает то одеяло, то они обе – с матраса, то скрипят пружины у соседки, то вдруг хлопает от сквозняка дверь. Вера засыпает, и просыпается, и, глядя перед собой, всякий раз видит Варю, которая спит как гора, накрывшись одеялом и простыней, в рассеянном отраженном свете города, красного неба. Долли пищит, Вера кормит, качает, кормит. Потом они все-таки засыпают – и спят долго, почти четыре часа, так что, проснувшись снова, видят уже желто-синий качающийся свет и слышат бодрый окрик медсестры, которая в шесть тридцать вызывает их сдавать анализы.

* * *

когда они приходят снова (скоро завтрак, молока нет, губы пересохли), Варя еще спит.

запах усилился, и теперь при свете лампочки из коридора видно: на батарее

а батареи жарят, и слава богу, в минус двадцать пять это очень кстати

комками темнеют Варины шмотки. Колготки, джинсы,

свитер кое-как напиханы, приткнуты между батареей и стеной.

Вера осторожно кладет Долли на кровать, подоткнув подушкой

подходит и щупает: комья одежды — все засохло
как будто Варя вчера попала под дождь и скомкала сушить
(но ведь мороз)

и пахнут; запах этот не настолько ужасен, чтобы сказать
«воняют»; это сильный, определенный запах, характерный,
какой-то соленый и темный, как кажется Вере

На Вариной тумбочке слои беспорядка
высится двухлитровая бутылка кока-колы, как будто на
маленьком острове возвели башню Федерация
а вокруг рынки, привокзальные бардаки, колбасные шкур-
ки, фантики, наушники, книжка — старый детектив

сама же Варя спит, кротко, отвернувшись к стене, с голо-
вою укрывшись, совсем

лица не видно
она спит как гора: плотная деваха, ноги с накрашенными
ногтями, тоже плотные, крепкие

Вера примечает все
за послеродовые пустынные месяцы в ней развилась бо-
лезненная пристальность
подробности лезут в глаза, цепляются за Веру, не дают по-

коя

Вера как будто совершенно разрушилась – ни чувств, ни желаний, – только экономные, механические, как во сне, повседневные практики да эта лента, полоса бесконечно-пестрых, проходящих, текущих через Веру впечатлений

каждая секунда высится, увеличивается в размерах, обростает тысячей характеристик

так что ни пошевелиться, ни слова сказать

это как во сне, как в тяжком сне

и Варя, соседка, – типичный герой этого сна

тысяча подробностей о ней уже известно Вере, и все, что она узнает дальше, не станет для нее чем-то новым

тяжелые черные комки джинсов и колготок жарятся на батарее, пахнут, а за окном стылая морозная чернота не рассеивается до десяти утра

* * *

после второго сна Вере значительно труднее открыть глаза. Сон длился всего сорок минут, теперь время завтракать. Но Вера встает.

– Варя, – не очень громко зовет Вера, стоя над соседкой с Долли на руках. – Завтрак!

Варя хрипло стонет, тяжело переворачивается на спину, поправляя одеяло, чтобы не сползло с попы и живота.

– Спасибо. Я не пойду, – не открывая глаз. – Я-никогда-не-ем-с-утра.

Вера завтракает. Отделение, на котором она лежит, – сборное, сводное. Здесь лежат подростки с инсультами, и подростки с эпилепсией, и дети с травмами головы, и почему-то – подростки и дети «с гинекологией», после операций или чего-то подобного. Вера узнает об этом, мельком заглянув в журнал, лежащий под кругом лампы на отделении. Она даже видит несколько фамилий с диагнозами. Некоторых Вера узнает в столовой, за кашей. Девочка с инсультом прижимает к себе руку и волочит ногу. Странно, что все они чуть младше Веры, но она здесь как «мама», а не как они – дети.

Светает. В какой-то момент Варя, пошевелившись, открывает глаза и тянется за айфоном.

– Доброе утро, – с готовностью говорит ей Вера, которая давно уже сидит на краешке койки. (Долли спит, а Вера снова не может уснуть.)

– Ага, – хрипло отзывается Варя, – доброе.

Вера видит теперь: вокруг Вариного запястья обмотан бинт.

Ты здесь по этому делу? – Вера показывает на запястье.

Нет, – объясняет Варя, и, видно, не в первый раз. – Это меня ножом в драке зацепили. Мой парень подрался, а я стала их мирить. А лежу я из-за выкидыша, – это Варя говорит вполне равнодушно.

Вера чувствует ужасный жар в голове и поднимает руки ко лбу.

– Блин, – говорит она. – Я тебе ужасно, ужасно сочувствую!..

Ее первая мысль: вот сволочи, положили ее, счастливую мать с ребенком, в одну палату с человеком, у которого такое...

– Ага, – говорит Варя. – Я вообще-то из детдома. Это очень плохая больница. Меня в первый раз привезли позавчера еще. Воспитатель очень ругался, что пришлось приехать. А меня не взяли, типа там с бумажками что-то не то. И мы поехали обратно. А потом уже кровь потекла, и ночью скорую вызывать пришлось.

– Кошмар, – говорит Вера. – Я тебе жутко сочувствую!..
А тебе сколько лет? А давно ты в детдоме?

– Пятнадцать, – говорит Варя. – Неа, не очень давно, года два. Просто мама умерла, а потом мой папа со мной не справлялся.

– Что значит «не справлялся»?

– Ну, я плохо себя вела, не училась, там, всякое такое...
Это мне папа все принес, – Варя кивает на тумбочку.

Теперь Вера разглядела ее как следует:
плотная, со сжатым ртом, кустистыми бровями, с красными пятнами на щеках, со странными мизинцами на ногах, похожими на мышей

под кроватью – тапки Вари
обычно тапки похожи характером на владельцев
Варины тапки – это совершенно новые, нетоптанные тапки с рынка, куски фиолетового пластика
но Вере кажется, что они похожи на Варю
в них и что-то мертвенно спокойное, и что-то разбойничье
что-то от иной породы, а порода не зависит от того, где человек растет

эта иная порода представляется Вере как нечто несдерживаемое

такое, что не может себя сдержать

чешет и чешет, лижет и лижет, льется сильным потоком, струей

вот и волосы у Вари густые, тугие, и все ее лицо такое же и ноги – все это обилие, сила, не сознающая себя и так странно-равнодушно она говорит обо всем, что с ней происходит

Вере это странно, а ведь не должно быть странно ведь сама Вера и вовсе не упоминает о том, что происходит с ней

каковы обстоятельства ее жизни, родов ее чувства или приключения

Вера вообще как будто забыла о них

она как будто зависла в пространстве, время для нее как будто не идет

* * *

Кстати, если уж говорить о тапках

то у Веры тапок нет и вовсе

и когда их с Долли, а точнее, Долли с нею вызывают на различные процедуры, то Вера ходит по всей больнице в носках причем все глядят на ее ноги, а она сама на них совершенно не глядит, а, пританцовывая, шагает по линолеуму,

плитке, шероховатому бетону со светской полуулыбкой: мне так удобнее

Процедур назначено много. Хотя Варя и отозвалась о больнице плохо, врачи тут кажутся Вере добросовестными. Они проверяют ее куклу всесторонне и при этом совершенно отстраненно, как будто действие, которое началось вчера вечером с визита скорой, должно быть завершено и уже не зависит ни от чего привнесенного извне. Они делают Долли ЭЭГ, нацепив на маленький пушистый орех нашлепки с прищепками; берут на анализ кровь и «писы»; нервная худая УЗИстка в хипповских бусах долго ворочает и крутит намыленную гелем рукоятку, водя ею по младенческому родничку. Все в порядке, и Вера начинает слабо шевелиться.

– Я не хочу сидеть здесь неделю, – говорит она врачу. – Я хотела бы написать отказ.

– Вы уверены? Ладно, – отвечает молодой хирург. – Только у меня операция, я не смогу к вам зайти скоро. Я буду у вас между двумя и четырьмя. Ждите.

* * *

Вера ждет.

Долли сосет грудь. Варя разговаривает по айфону.

– Да она совсем уже, – говорит Варя в трубку. – Просто решила воспользоваться тем, что я здесь. Но это у нее не получится. Потому что, когда человек совсем уже сторчался...

Вера воображает себе жизнь Вари. С пьяными драками. Со сторчавшимися конкурентками, такими же детдомовками. А сама она? А что за беременность? Готова ли она была сохранить ребенка?

Все ответы Вера знает внутри себя. Спрашивать не о чем. Варя врет и блефует, но Вера чувствует, что во всем этом – правда.

Единственное, чего не знает Вера: это не просто выкидыш, воспитки незаметно скормили Варе таблетку мифепристона, с чаем, – надо им, чтобы дети рожали.

Но, скормив, сделали вид, что это выкидыш, разумеется. Но этого не знает и Варя, поэтому Вере тем более невозможно знать.

Вера сидит, кормит Долли и не отрываясь смотрит на Варю

на то, как она с трудом ворочается
на бурые пятна ее простыни, одеял
вдыхает запах бурых комковатых джинсов, уже засохших
до твердого состояния на жаркой батарее

входит в Варину жизнь, входит, входит, входит
кока-кола – папа принес

(у Веры нет и не было никакого папы, мама тоже на том свете, как и у Вари)

– Я в пятом классе, – говорит Варя равнодушно, – из детства, значит, позже выйду. Если школу не закончил, тебя до двадцати трех лет держат.

Вера лежит закрыв глаза

изнанка век – в пятнах солнца от тополей, в тополином пуху, в зимний полдень – представляет себя Варей – как изымают, уводят и как сижу, курю, семки, магазин двадцать четыре часа, – в зимней больнице, в январе, лежа на железной сетке кровати и глядя вверх, в стандартный потолок – лежа у стены, на которой нацарапаны палочки (дни до освобождения предыдущих сидельцев).

Как-то очень уж много этих палочек. Некоторые сидели и по три месяца. Зачеркивая каждый день.

Одна короткая серия палочек особенная. Рисовали ее с сильным нажимом, так что краска кое-где процарапана насквозь, и зачеркивали тоже энергично, яростно. Кажется, что это уже и не палочки, а какие-то люди, взявшиеся за руки, уходят вдаль: большой, поменьше, еще поменьше.

в бурых пятнах

запаясь к делу отношения не имеют, потому что это ее ранили чуваки, которые дрались с ее мальчиком, а она пыталась разнимать...

а точно ли врала? А может, врала и правду

и Вере кажется уже, что она входит в Варю совсем, с потрохами

это как выпить два литра кока-колы на спор в один присест

вот как те два литра, вмещает Вера в себя всю эту жизнь залпом – и уже не может совсем из себя изbleвать, как ни тошнит под веками и во лбу

закроешь глаза и видишь то же самое

и свет за окном становится определенным, дневным, уже два часа, полтретьего, а врач все на операции – небось, забыл о нас, – уже три, и Вера, преодолевая оцепенение, понимает, что надо действовать, надо что-то делать

* * *

Больница построена из одинаковых модулей, поставленных рядом и друг на друга с некоторым смещением, так что ты вечно переходишь из одного в другой.

Когда Вера выходит из палаты, она видит, как за девочкой-с-эпилепсией приехала мама. Это благополучная девочка, вроде нее самой, только помладше лет на восемь, – до этого они сидели с подругами на полу у стены в предбаннике палаты и о чем-то болтали, а теперь она (Лиза Цурканова, Верина память восстанавливает строчку в журнале, увиденном на отделении) радостно бросается маме на шею хлопоты, сейчас они уедут

а мы?

Вера идет искать нейрохирурга, давшего ей обещание. Но больница огромна, а врача она в лицо не помнит. Поиск обречен на неудачу

а между тем начинает темнеть

в какой-то момент Вера понимает, что ей не справиться по всей форме

она одевает Долли, собирает свои бумаги и решает уйти, просто уйти

– Я не могу здесь остаться еще на день, – говорит она сама себе (Варя апатично зырит в айфон, ее плотные губы сжаты, лицо спокойное и угрюмое). – У меня работа ребенок

тяжелый, белесый февральский день, обложенный облаками, мороз

она бросает последний взгляд на башню Федерация, уже пустую

на комки пересохших штанов и сальные густые волосы
Вари
на бурые пятна, мятые заломы

Вера что-то говорит, стоя посреди палаты, как будто по-прежнему ждет

она говорит, а сама оцепенела, ей снова жарко, ей еще идти, идти

Долли уже, извиваясь, начинает хныкать
и Вера, продолжая говорить, расстегивает дубленку и дает ей грудь

но Долли грудь не берет, а хнычет от жары, вытягивает ножки в комбинезоне

а Варя все смотрит в свой айфон, шевеля губами

и Вера пытается – не уйти – стать Варей

отказываясь от себя и даже от Долли – одним ударом стать ею, перестать быть собой, сделаться Варей из Веры и спасти ее, себя, их обоих

и не то чтобы так будет справедливо, не то чтобы это «правильно» или это какое-то «решение», нет

а просто потому что так, как сейчас, — невыносимо, не поможет ни карандаш, ни зачеркивание палочек, ни башня Федерация и два кружка колбасы, ни даже зима, ни покаянный рюкзак, ни ламинированное свидетельство о рождении, ни все процедуры, ни подаренный спонсорами детдома седьмой айфон

и когда Вере почти уже удастся стать Варей
стеклянная дверь — круть, и в палату входит врач-нейрохирург с бланком отказа в руке

* * *

но, поворачивая голову, стоя на сумрачной узкой улице, под небоскребами и снегом

Вера все еще продолжает пытаться стать Варей
ее душа мерцает между Варей и Верой

а тело, не чувствуя холода, стоит и держит Долли
которая снова уснула от переживаний, и слеза блестит в
небольшом и красивом ухе
голеньком, потому что шапка сбилась на сторону

в Вериной сумке урчит телефон, работодатель в гневе, баланс не готов, он не знает о форс-мажоре

Верино тело стоит как статуя, маршрутка появляется в

конце улицы

а Верино тело стоит, а Верина душа мерцает, входя в Варю
которая полулежит на своей койке, а Варин папаша в палате сидит рядом с Варей, вполпьяна, смущенно хихикает в кулак, гикает, делает резкие движения
полулысый, чернявый, с резкими чертами лица
и Варя без всяких эмоций слушает его, прикрывая, впрочем, бурые пятна на простыне
вернее, стараясь прикрыть, их все больше
температура подымается
завтра будут опять делать чистку

вон поворачивает триста шестая с Ветеранов, фары вспыхивают на повороте
ламинированное свидетельство о рождении в руке – на него напал снег

стоят кругом, в руке нож, за гаражами

Долли кусает Веру за сосок, сильно кусает
и она, очнувшись, делает шаг вперед и вытягивает руку

и триста шестая начинает тормозить, тормозить и останавливается у обочины, слегка обрызгав Веру и Долли грязноватым снегом

Внутри темно, слегка накурено и играют безликие песни. Водитель рвет с места, пробуксовав по ледяной колее. Звезды, фонари и снежинки летят Вере навстречу.

3. Братаны

Ночь в маленькой общажной комнатухе. Небо в окне – красное. Густой январский дождь шумит по крышам. Фонари Западного скоростного диаметра, рядом с которым стоит общага, шпарят прямо в окна. В комнатухе ничего нет, только тахта старая у окна да матрас у стены. Обои порванные. Форточка не закрывается. А в углу свалка барахла. Черная какая-то шмотка и вывернутые джинсы, пачки из-под доширака, колпак на резинке с бесплатного Нового года. Еще кружки на окне: «Кировский завод» и «Трехсотлетие Петербурга». И пластмассовый детский горшок. И рюкзак школьный, с молнией сломанной.

– Йома-а-а! – воет трехлетний Серый, стоя посреди комнаты босиком. – Где ма-а-ама?!

Второклассник Рома с трудом просыпается и садится на матрасе. Обрывки сна: елочные шары, мыльные пузыри, изложение. Дождь заливает окно.

– Бля, Серый, – шепчет Рома, кутаясь в одеяло. – Че ебнулся? Мать разбудишь.

– Мамы не-е-ет! – воет Серый, приплясывая с ноги на ногу от ужаса и холода.

Рома протирает глаза. На продавленной тахте у окна – пусто. Валяются только подушка и скомканное одеяло в ногах. Серый воет, дождь колотит в стекло.

– Погоди, – говорит Рома. – Я щас на кухню сбегаяю. Она там.

Но нет, не там она – мама. Потому что сумки ее нет. Куртка на гвоздике не висит. И дверь закрыта снутри, как он вечером запер. Можно и не бегать на кухню-то. Мама так и не пришла. Но это бывает.

– Ладно, – Рома берет Серого на руки, сажает на тахту. – Так и быть, расскажу, где мама. Хотя это для больших. Это секрет.

Братик маленький, теплый, грязный. Вздрагивает от холода, всхлипывает, дыхание сбилось. Коготками цепляется за Рому, и Ромка морщится.

– Короче. Мама пошла тушить пожар! – объявляет Рома. Еще когда с другой стороны школы жили, в двухэтажном доме. Выключился свет, пахло дымом и приехали пожарники. Громко топали, светили в дым фонариками на касках. Было интересно. Серый не помнит.

– Пожар? – удивляется Серый. – Наша мама разве умеет?

– Конечно! – Рома укладывает брата рядом с собой, обнимает, накрывает маминым одеялом. – Наша мама на самом деле – пожарник. Она ходит в красивой краске. Розовой. С золотым фонариком. И на лабутенах, – что-то телевизионное, рекламная заставка всплывает у Ромы перед глазами вперемешку с изложением, которое он писал во сне.

– А она же на заводе работает. Она ж елочные игрушки клеит. Мама говорила.

– Это днем на заводе, – объясняет Рома. – А ночью – тушит пожар.

– А-а, понятно, – успокаивается Серый.

Хороший у Серенького характер. Еще бы если бы он был более боевой. А то его в детсаду все лупят. И воспитатель лупит. И дети другие лупят. И по губам, и по жопе, и всяко. А так Серый – хороший чувак. Ромка любит Серенького, никому его не отдаст. Притискивает его к себе потеснее. Теплый, мякенький Серый. Ромка начинает потихоньку Серого качать.

Дождь грохочет по железному карнизу и по крыше. Бр-

р, какой дождь. Хорошо бы мама там была где-нибудь под крышей, а то промокнет. Она обычно говорит: «Зачем мне зонтик, я не сахарная». А у нее был зонтик, пока не сломался. Это был, точнее, не ее зонтик, а ее прошлого бойфренда, Саши. Черный.

– Я писать хочу, – вдруг снова всхлипывает Серый. – Я опи-
саюсь!..

– Не надо! – Рома быстро вытаскивает брата из кровати и тащит к горшку.

Серый писает, а Рома придерживает ему письку, стряхивая последние капли.

– Жди меня тут. Не реви, я ссаки вылью и приду.

Порыв ветра бросает в окно горсть крупных капель: др-р-рын! Серый в ужасе цепляется за Рому.

– Блядь, – кричит Рома. – Серый, пусти, пролью же шас! Пусти!

Серый вцепляется в Ромину ногу еще сильнее. Коготками. Оба в трусах и майках. Оба дрогнут. Хлопает форточка, по комнате проходит ледяной ветер, сдувает пакет со стола.

Свет неба и фонарей – коричневый, фиолетовый, багровый.

– Ладно, пошли вместе, – Рома делает осторожный шаг к двери. Идти неудобно. Серый обхватил Ромину коленку, как дерево, шагает то одной ногой, то другой, мешая Роме идти.

– Держись за майку, – Рома открывает дверь во мрак.

Серый вздрагивает, вцепившись в Ромину майку. Рома медленно продвигается вперед с горшком. Обычно ночью он мчится в туалет очень быстро. А сейчас надо медленно. И поэтому страшно.

Рома и Серый проходят мимо всех запертых дверей.

Вот тут жил человек, который однажды Роме дал бумажку в пятьсот рублей. Рома купил много булки, доширака и двухлитровую бутылку кока-колы.

Тут жила злая старуха. Она померла. Ее тащили на большом полиэтилене, который снизу, со стройки у метро.

Там живут таджики. Они всегда на кухне готовят чего-нибудь. Только теперь они не готовят. Даже таджики спят – вот такая темная ночь.

Тут ванна. Она не работает, вся черная, задернута занавеской и забита кусками каких-то досок, камней и тряпками. В туалете тоже темно.

– Хонидо, – пищит Серый. – Ножкам хонидо!

– Щас-щас, – бурчит Рома, выливает горшок, хватает Серого под мышки и тащит обратно в комнату, где льет дождь, сияют фонари с ЗСД и пахнет мамой. Кидает брата на диван, прыгает следом, и они снова накрываются одеялом.

Бр-р! Рому тоже слегка трясет, но уже меньше. Под одеяло с головой. Обнимает мягкого и теплого Серого. Тот греет ножки у него на животе. Ну вот. Уже как бы и получше.

– Больше не ревет Серый, молодец, – шепчет Рома. – Да потому что че реветь, все нормально. Щас уснем, утром проснемся – а мама уже тут.

Серый вдруг садится. Встрепанный, глаза блестят.

– Серый, давай спать, – предлагает Рома и укладывает Серого на подушку, но тот снова садится. Он уже совсем проснулся.

– А почему мама ночью тоже работает? – вдруг спрашивает Серый шепотом. – Никто ночью не работает. Ночью все в своей постельке спят.

– Ни хрена, – возражает Рома. – Ничего подобного. Это только дети все ночью спят. А пожарники не спят. Если ночью что-то загорелось, они же не будут спать до утра, а пойдут и потушат сразу. А то к утру, пока они спят, уже все сгорит.

– А наша мама не сгорит?

– Да ты че? – говорит Рома. – Конечно нет. Смотри, какой дождь на улице. Там промокнуть можно, а сгореть нельзя.

– Но наша же мама, – возражает Серый, глядя на окно, – она не умеет же ездить на пожарной машине! Она только на маршрутке умеет ездить.

– Вот она и поехала тушить пожар на маршрутке. На триста шестой, – добавляет Рома для правдоподобия.

– А-а, понятно, – успокаивается Серенький. – А зачем так сильно дождь стучит?

– А ты боишься, что ли? – Рома укутывает Серенького одеялом и прижимает к себе.

– Я только немножко боюсь, – говорит Серенький.

На потолке вспыхивают пятна света, едут вперед-назад – и, мелькнув, пропадают: какая-то машина развернулась внизу. Дождь шуршит тише. Рома представляет себе, как мама идет домой по их улице и как в лужах от дождя получаются пузыри, светящиеся, яркие, то ли мыльные, то ли такие, как бывают в газировке.

Он вдруг открывает глаза. В комнате светло. В дверь громко стучат.

– Рома, открой! – строгим незнакомым голосом близко-близко.

«Ага. Хер я вам открою». Рома смотрит на Серого. Тот спит, не слышит. Рома накидывает ему одеяло на ухо и неслышно подходит к двери.

– Не перепутали?

– Должны быть тут. Она ушла вечером – Рома тут был...

Снова настойчивый, мелкий, но громкий стук. Костяшками пальцев. Прикладывает рот к замочной скважине:

– Рома, открой! Мы от мамы!

От мамы. Рома смотрит на Серого. Серый спит. Пошли

на хуй. Рома молча показывает фак в сторону двери.

– Попробуйте ключом еще раз.

Ключ ворочается в скважине.

– Ключом никак. Или на нижний замок, или они изнутри заперлись и спят.

– Да они бы уже проснулись. Полчаса орем. Тут какой-то еще ключ есть, вы не знаете?

Рома замирает.

– Да ничего они не знают. Надо искать. Он мог в школу уже уйти?

– В семь утра?

– У нее были родственники, знакомые, подруги какие-то? – голоса удаляются.

Что-то новое и такое, о чем Рома совсем не хочет думать, начинается у него внутри. Это не тошнит, не болит; Рома не понимает, что с ним.

Теперь светло и видно, какой жуткий бардак. Из мебели

почти ничего, они часто переезжают. На рваной коробке у стены свалены мамины вещи, рядом в пакетах – одежды Серого. Обои драные. Все завалено мусором. Под окном валяется несобранный Ромин рюкзак. В его ободранном нутре – два учебника и тетрадка, почти пустая, неподписанная. На продавленной тахте – засохшие вчерашние тарелки с остатками доширака: ужинали с Серым, руками брали – вилки побоялись просить у соседа. Хлебная корочка. Вода в чашке «Трехсотлетие Санкт-Петербурга».

Скрипит диван. Рома поворачивается.

Серый проснулся и сел. Вокруг его головы пушистый ореол. Он улыбается.

– Мама уже все потушила? Она на кухне? А творожки уже есть?

Рома моргает. Мелкие пятнышки, мыльные пузыри из сна еще мелькают перед его глазами, но уже гаснут, их не поймать.

Он садится рядом с братом.

4. Кампоты Гуха

В общем, я, короче, очень глупо сделала, что согласилась на тетю Лену.

Можно было бы найти мне приемную семью и получше.

Вот список ужастиков тети Лены.

1. Вообще не красится. Вообще! Брови как у мужика, и она их не выщипывает.

2. Постоянно играет в шахматы с компьютером и разговаривает даже по телефону на шахматном языке. И даже с Лизкой иногда разговаривает на шахматном языке.

3. Не умеет готовить. Жареную курицу даже никогда не жарит. Только без конца картошка с луком и яйца. Я уже не могу эти яйца есть.

4. В доме нет шкафов и кроватей, одни какие-то штуки из дерева.

5. Нет телевизора!!! Я ужасно скучаю по «Муз ТВ». И по клипам Веры Брежневой, и по сериалу «Универ», и по всему. Бабушка даже засыпала под телевизор. И в детдоме у нас все время телевизор работал. Я очень скучаю по телевизору. Телевизор – это лучшее, что есть в жизни. Кроме «ВКонтакте».

6. А кстати-ка, почти нет интернета!! Полчаса в день!! Жесть!!

7. Уши у нее не проколоты.

8. Заставляет убираться в комнате и вынимать одежду из стиралки и посуду из посудомойки. И за всякие запрещенные вещи тоже заставляет что-нибудь мыть.

9. Дает мало карманных денег. Сама получает шестьдесят тысяч, а мне дает двести рублей в неделю. Между прочим, мое пособие очень большое, а она его себе в карман кладет, на меня не тратит.

10. Ее кровной дочке Лизе – все, а мне – ничего. В день рожденья ей подарки все дороже, а мне вообще почти ничего не подарили, только тошто заранее договорились из виш-листа.

11. Я думала, что у них у всех седьмые айфоны, а у них оказались обычные телефоны. А когда я сенсорный потеряла, мне вообще купили дешевый кнопочный, стыдно в школе его даже вытаскивать.

12. И своей комнаты у меня нет. Я сплю в одной комнате с Лизой.

13. Драться нельзя. Материться нельзя.

14. Если опоздала и не позвонила, тетя Лена ебет мозги.

15. Она жирная и меня тоже заставляет есть!!

16. И заставляет учиться. На какие оценки в школе – все равно, но она сама меня учит, и всякое спрашивает, и достает всякими своими книжками и прочей хуйней.

17. И на стенке висят тупые правила, то, что нужно отзваниваться, когда куда-то пошел и задерживаешься, и всякое такое, и их надо выполнять.

18. И у нее есть хахаль Игорь, который тоже постоянно играет в шахматы и разговаривает на шахматном языке.

19. И она никогда не жалеет тебя, очень злая, но при этом все время называет ласковыми именами. Это очень противно.

20. Она называет меня Ангельчик!!! Масик!!!! И зайка!!!!!!

Короче, я попала с тетей Леной конкретно. Не надо было на нее соглашаться.

А вдруг бы следующая тетенька пришла бы ко мне, как к Артему Санжарову! Его приемная мама работает на «Муз ТВ», и у нее квартира сто двадцать пять метров в центре Москвы.

Ему все завидовали, когда его забирали.

Потому что все же хотят попасть в богатую семью.

А за мной очередь стояла, потому что я *элитный ребенок*. Это наш соцпедагог мне сказал. По секрету.

Элитный ребенок – это который недолго пробыл в детском доме и который здоровый и учится в норме, а не в коррекции.

Там у нас в первой группе почти все в коррекции. Это значит почти дебилы. И они мне все завидовали тошнотворно, потому что я нормальная. Настя даже туфли у меня сперла от зависти. Потому что ее вообще в роддоме бросили, а меня никто не бросал, и я не из таких детдомовских детей, у меня просто ма-

ма умерла очень давно, а бабушка умерла недавно, а так я нормальная.

Поэтому, короче, за мной очередь и стояла.

* * *

И вот однажды соцпедагог мне говорит:

– Так, Анжелика, сейчас за тобой в очереди стоят двадцать тетенок, и все хотят тебя взять, и все очень богатые. Но первая из них – тетя Лена, и нам как-то неловко сразу ей отказывать. Поэтому ты сначала от нее откажись, а потом мы посмотрим варианты получше.

А я, дура, не отказалась от тети Лены. Потому что про нее все говорили, что ее ученики даже занимают первые места и их по телевизору показывают. По шахматам. Она и к нам пришла в детдом, чтобы шахматам обучать парней. Просто никто из них учиться не хотел. Но зато казалось тошто тетя Лена добрая и богатая, и, кстати-ка, я ее уже много раз видела и здоровалась. Поэтому мне было не так страшно к ней пойти, как к неизвестным тетенькам. Вот я и согласилась. Дура! Оказалось то, что на самом деле тетя Лена никакая не богатая и к тому же злая.

И как только я это поняла, то устроила тете Лене большой

скандал. Я очень сильно плакала и умоляла тетю Лёну отвезти меня обратно в детдом. Ведь я *элитный ребенок*, и меня оттуда забрали бы *варианты получше*. Я бы имела седьмой айфон, планшет, сколько угодно интернета, блестящую сумочку, блестящие туфли, рюкзак Nike, кроссовки Nike, я ездила бы в Париж.

А тетя Лёна мне сказала:

– Эх, Анжелика! Да вашего соцпедагога надо... кхм... Она тебя просто обманывала. Какие ещё элитные дети? Какие двадцать тетенок в очереди? Подростков вообще в семье берут неохотно.

– А вы тогда меня зачем взяли? – спросила я.

– А я сначала думала, что смогу в вашем детдоме шахматами какую-то пользу принести. А потом увидела, что вам там не до шахмат. И поняла, что единственный способ принести вам какую-то пользу – это кого-нибудь оттуда взять в семью. И решила взять тебя, потому что ты, душенька, симпатичная, милая и недавно там, ещё не успела заморозиться окончательно.

ДУШЕНЬКА. Это че за слово?! Где она его взяла вобще?! Это кто-то кого-то душит, что ли?!

Я говорю:

– Я блядь не душенька!!!

А тетя Лена говорит:

– Дружочек, еще раз то же самое без мата.

– Я НЕ ДУШЕНЬКА!!!

– Окей, – говорит тетя Лена. – Я, конечно же, не собираюсь отвозить тебя ни в какой детдом. Боже упаси! Ты будешь жить у меня до восемнадцати лет как минимум. А что мы не богатые, так это не так уж важно, деточка. Важно же не богатство, а отношения.

– Чаво-о? – я прямо покраснела вся от этого слова. Даже не ожидала от нее, что она такое скажет. – Какие «отношения», простите?..

Тетя Лена на меня посмотрела и сказала:

– Отношения – это ЛЮБЫЕ отношения. Дружба, там, семья.

– Так и говорите: дружба и семья. А то чего вы меня пугаете. Отношения – это когда... ну...

– Уф-ф, – сказала тетя Лена и больше уже ничего не сказала, как я ни скандалила.

И даже когда я сломала дверь, и вся от слез распухла, и не могла больше орать, тетя Лена все равно ничего не сказала и не отвезла меня обратно в детдом.

Вот так я попала.

* * *

Я когда писала, что самое плохое у тети Лены, я забыла, кстати-ка, самое-самое ужасное.

Забыла, потому что оно все время, и про него уже даже как-то забываешь.

Кампоты гуха. Вот что самое плохое.

Я ненавижу кампоты гуха. Я **НЕНАВИЖУ** кампоты гуха.

Это... Это такая типа музыка. Только это не музыка, а хер знает что. Это какие-то жуткие завывания на непонятном языке. Сначала завывают все вместе, потом, короче, по отдельности, потом снова вместе, и так **БЕЗ КОНЦА**. Ну, вы уже поняли. Вы уже поняли, что это такое.

А мне приходится жить все время с кампотами гуха.

Потому что тетя Лена заводит кампоты гуха каждый день.

Реально каждый. Иногда она их, правда, слушает в наушниках. Но чаще всего она их слушает прямо без наушников, и слышно на всю квартиру.

Раньше я могла сама взять наушники и слушать что-то в телефоне. А теперь у меня очень простой кнопочный телефон, тошто я даже не могу в нем слушать музыку. И у меня нет никакого выхода.

Я так мучаюсь, я просто умираю.

И в машине она тоже их слушает. Однажды мы с тетей Леной, с ее хахалем Игорем и с Лизкой ехали в какой-то город... забыла, как называется... смотреть какие-то там... короче, что-то смотреть. И вот когда мы ехали обратно, тетя Лена завела кампоты гуха, все подряд, ТАК ГРОМКО, что у меня просто сразу уши заложило. И я закричала:

– ТЕТЯ ЛЕНА! Выключите эту гадость! Я больше не могу их слушать! Вы можете хоть раз поставить НОРМАЛЬНУЮ современную музыку?!

– Нет! – ответила тетя Лена.

Я очень обиделась, разозлилась и решила достать тетю Лену. Я стала жутко скандалить, бить ногами ее сиденье, вопить и мешать ей вести машину. Тогда тетя Лена остановила

машину, обернулась, посмотрела на меня и сказала:

– Милая деточка! Ангельчик мой! Я НЕ БУДУ слушать Веру Брежневу. Я ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ современную музыку. Я люблю *кампоты гуха*, и в МОЕМ доме...

– ...А мы не в доме!

– ...А также и в МОЕЙ машине мы будем слушать ТО, что я хочу. Постарайся это понять, а главное, не разноси мою машинку, – сказала тетя Лена и, не дожидаясь ответа, опять поехала и опять завела кампоты гуха на полную громкость.

* * *

Ну, теперь-то вы поняли, как я попала.

И теперь вы, конечно, понимаете, КАК я обрадовалась, когда узнала, что тетя Лена собирается в командировку в Москву на целых три дня! Там у них какой-то турнир, и она там судья.

И оставляет нас с Лизкой совсем одних!

До этого она пять месяцев подряд от меня вообще не отходила. Она же еще и работает рядом с домом, и как-то у нее там, что она может в любой момент примчаться домой.

Короче, тетя Лена ужасно меня достала. А особенно кам-

поты гуха.

И я очень обрадовалась при этом известии. Я так и сказала, чтобы ей было неприятно:

– Ура! Наконец-то я хоть побуду одна. Как я рада!

А тетя Лена улыбнулась и говорит:

– А я буду слегка скучать.

А я говорю:

– А я вообще нет! Я очень устала от вас!

А тетя Лена сказала:

– О-о, первый невозможный ход, – и указала на наши правила, которые висят на стенке.

А в правилах написано, что если невозможный ход (ну, то есть грубость, там, всякая, или забыла позвонить, и так далее), то я должна сделать *одну единицу уборки* по тети-Лениному выбору.

– Ляля, давай-ка направляйся мыть унитазик, – сказала тетя Лена (вот так она всегда разговаривает, ужас, да?)

– Чаво-о?! – возмутилась я. – Я что вам, служанка?! Я не

буду!!

– Правила, – сказала тетя Лена. – *Одну единицу уборки* по моему выбору. Счас засчитаю второй невозможный ход, и к унитазу прибавится... э-э... прибавится...

Это у них там на турнирах такое вот. Как собаки все равно дрессированные! Засчитаю, не засчитаю!

– НЕТ! – закричала я. – ТОЛЬКО унитаз!

– Окей, – сказала тетя Лена. – Времечко пошло.

Я мыла унитаз и плакала, какая я несчастная, что бабушка умерла и со мной случились все эти вещи. Почему всем так везет, а мне никогда не везет?

Я нарочно выдавила в унитаз все средство для мытья, чтобы оно кончилось, потом кое-где немножко потерла для вида.

Потому что если вообще ничего не помыть, то тетя Лена догадается и заставит перемывать. *Душенька*. Ненавижу ее!

Потом я пришла к тете Лене и сказала:

– Все.

– Что-то не очень чисто, – сказала тетя Лена.

– А это потому, что средство кончилось, – сказала я.

– Окей, – сказала тетя Лена. – Штраф пятьдесят рублей из карманных денежек.

– ПОЧЕМУ?! – возмутилась я. – Оно же просто кончилось!!

Но тетя Лена уже ничего не слушала, а спокойно себе пошла на кухню пить чай. Сука. СУКА!!!

* * *

Иногда я думаю, что хорошо бы умереть.

Но потом я думаю, что это не поможет.

Ведь на том свете, которые самоубийцы, не попадают в рай.

А я хочу попасть в рай и встретиться с бабушкой.

Ну, и с мамой тоже, хотя я ее не помню.

Поэтому я не буду самоубиваться.

И буду мучиться всю свою жизнь. Ну, до восемнадцати лет. Пока не вырасту.

Или можно еще сделать что-нибудь такое ужасное, из-за чего меня отправят обратно в детдом. Но я уже поджигала занавески и сама испугалась, а тетю Лену мне напугать не удалось.

А по-настоящему ужасное я делать боюсь. Я ведь все-таки нормальный человек.

Вот Варька на моем месте смогла бы.

И многие в детдоме смогли бы. Они там все чокнутые. А я нет.

* * *

Но наконец-таки наступил вечер, и тетя Лена уехала на свой турнир.

И теперь я была счастлива.

Я могла делать все что хочу!

Сначала я залезла в тайник тети Лены, чтобы съесть все сладкое. Но тетя Лена почти все сладкое спрятала. Оказалось только пол-плитки шоколада. Я ее съела.

Потом я полезла в тети-Ленин стол, где нет замочков. Там лежали только какие-то бумажки. Больших денег не было, а только сложенная в несколько раз бумажка в пятьдесят рублей. Я ее не стала брать, потому что тетя Лена придет и закатит скандал. Тогда я пошла в нашу комнату и, пока Лизка мылась в душе, взяла у нее со стола мелочь. Это за воровство не считается. У меня же штраф, и мне надо деньги себе вернуть как-то. Теперь зато у меня было уже почти двести рублей, и я могла себе что-нибудь купить.

Потом я пошла в магазин и купила большую бутылку «пепси», несколько пачек ирисок и пакет чипсов. И я залезла в постель и там все это съела. И я попросила у Лизки телефон и громко, без наушников, слушала Веру Брежневу. Лизке пришлось самой надеть наушники, потому что она тоже не слушает Веру Брежневу, а слушает каких-то хриплых чуваков, которые грохочут. А я слушала Веру Брежневу, подпевала, рассыпала даже чипсы по всей постели, и мне было весело.

Потом я позвонила Маше и сказала:

– Прикинь, тетя Лена уехала на все выходные! Пошли завтра гулять и снимать на видео на твоём телефоне!

А Маша мне сказала:

– Не, Анжелика, не могу, меня тоже на все выходные берет папа, а я его уже месяц не видела.

Я немножко расстроилась. Потому что я уже подумала, как мы клево будем гулять с Машей.

Тогда я подумала немножко и позвонила Верке. Хотя, конечно, Верка слишком крутая для меня и она не очень хочет со мной дружить. Но зато у них своя компания.

– А помнишь сериал «Испания»? – сказала Верка. – А, у тебя же телика нет. А мы завтра даже собираемся в «Галерею».

– А можно с вами?! – сказала я.

– Ой, не, я не могу! Просто у нас три билета на выставку художника, который из лего строит. А билеты стоят пятьсот шестьдесят рублей. У тебя же нет таких денег!

Короче, мне пришлось звонить Наташке. Хотя я не хотела. Наташка все время обижается и ссорится, и она какая-то придурочная.

Поэтому в субботу мы пошли гулять с Наташкой.

Конечно, мы сели на триста шестую и доехали до торгового центра. Потому что это самое интересное место у нас на районе. Там есть такой магазин, где можно всю косметику долго-долго смотреть и даже нюхать духи бесплатно. И мы все время представляли, что мы все это вот купили, и духи мы нюхали, пока уже у нас не заболела голова. Потом мы пошли смотреть на попугаев и крыс, где их продают, потом на золотые украшения. И там мы поссорились, что сережки с дельфинчиками и рубинами красивые или нет. Наташка назвала их «какие-то как у бабушки», а я очень обиделась, потому что у бабушки были и правда похожие сережки, но от-

куда это Наташке знать, и вообще чего она трогает мою бабушку! И я так обиделась, что хотела уйти вообще, но потом мы все-таки пошли назад вместе, пешком, но уже всю дорогу Наташка только и делала, что ссорилась, и цеплялась, и говорила гадости, например, про школу. Короче, прогулка не очень-то удалась, тем более что и денег только на маршрутку хватило в одну сторону.

И я домой пришла очень злая, потому что я-то надеялась тошто Наташка меня пригласит домой и я смогу у нее посидеть «ВКонтакте». А она не пригласила и вообще сучка.

А утром в воскресенье лил сильный дождь. По правде говоря, не очень сильный, но я сказала Наташке, что я простудилась и не могу под таким дождем гулять. И что мне надо делать уроки.

Хотя на самом деле я не собиралась ничего делать. Просто меня задолбала эта Наташка.
И мне было очень скучно.

Лизка в воскресенье пошла на какие-то дополнительные лекции.

А я осталась дома.

* * *

Я умирала от скуки.

Мне было вообще нечего делать.

Мне было так скучно, что я просто лежала в постели и тупила.

И я достала старые фотографии, где мы с бабушкой сидим на диване, где нас дядя Сережа снимал, и еще ту, где бабушка молодая.

Потом я накрасила ногти, но получилось некрасиво, и я их стерла. И ацетон закончился.

Потом мне пришло в голову приготовить сладкие сырники по бабушкиному рецепту. Но я сделала слишком сильный огонь, а сырники расплзались, поэтому я их сожгла.

В общем, у меня ничего не получалось. Одни неудачи.

Я стала мерить всю одежду, но почему-то это было совсем не так уж и весело, ведь никто на меня не смотрел даже.

А еще я очень расстраивалась, что до приезда тети Лены осталось уже всего только несколько часов, а я так и не повеселилась.

Потому что конечно, когда денег нет, то нормально не повеселишься.

Скорее бы уже мне стало четырнадцать лет. Когда мне будет четырнадцать, то я пойду работать и к восемнадцати скоплю на отдельную квартиру и перееду от тети Лены. И я буду покупать себе какую захочу косметику.

От скуки я даже достала сказку о рыбаке и рыбке и прочитала ее четыре раза вслух. Так что вы можете себе представить, как мне было скучно.

Потом пришла Лизка, и я к ней пристала, чтобы мы посмотрели вместе хотя бы какой-нибудь фильм. А Лизка мне ответила, что тетя Лена ей велела показать мне фильм про океан. И нам пришлось смотреть фильм про океан. Ничего оказался фильм, даже интересный. Про куски льда, которые везде плавают-плавают, а потом переворачиваются, и что, оказывается, в океане плавают очень много мусора, и его трудно убирать.

А потом я стала просить показать мне еще один фильм, но Лизка сказала, что хочет послушать музыку, и стала слушать своих чуваков с грохотом.

А я ей сказала:

– Как ты можешь, Лизка, слушать постоянно один какой-то, блин, мужской голос! Ты не хочешь хоть раз в жизни послушать нормальные песни с нормальным женским голо-

com?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.